

24. Самойлов Р. Грубые ошибки в «Хрестоматии по истории СССР» // Литературная газета – 1948. – 20 декабря.
25. Советское общество: Возникновение и развитие, исторический финал. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1997.
26. Судьбы генетики в нашем Отечестве // Суровая драма народа. – М.: Политиздат, 1989.
27. Федосеев П. Марксистская теория классов и классовой борьбы // Большевик – 1948. – № 14.
28. Философия в СССР: версии и реалии // Вопросы философии. – 1997. – № 11.

УДК 94(420).01/05

А.Г. Глебов

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ В ОСВЕЩЕНИИ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.

В статье анализируется комплекс проблем в контексте развития института королевской власти у англосаксов. Вопрос о времени и роли королевской власти в становлении государства является дискуссионным. Автор обращает внимание то, что при наличии разногласий в трудах англо-американских медиевистов, они единодушны в

том, что влияние короны на формирование многих сторон социально-экономической и политической жизни раннесредневековой Англии оказалось решающим.

Ключевые слова: англо-американская историография, королевская власть, раннесредневековая Англия, Глафорд.

A.G. Glebov

SOME ISSUES OF THE HISTORY OF ROYALTY IN EARLY MEDIEVAL ENGLAND IN ANGLO-AMERICAN HISTORIOGRAPHY OF THE SECOND HALF OF XX CENTURY

In the article a complex of problems in context of royalty development is considered. The issue of time of emergence and the role of regal power in state genesis is debatable. The author pays attention to differences of opinion among Anglo-American medievalists.

Nevertheless, they unanimously agree about decisive influence of the Crown on many aspects of social-economic and political life of Early Medieval England.

Key words: Anglo-American historiography, royalty, Early Medieval England, Hlaford.

Большинство исследователей, изучающих историю англосаксонской Британии, сходятся во мнении, что развитие института королевской власти у англосаксов было во многом обусловлено сложностью процессов их политической консолидации. Однако вопрос о времени формирования института королевской власти и его общей роли в становлении государства и его административной системы до сих пор продолжает оставаться дискуссионным.

существом четкой методики ее анализа у исследователей возникали большие трудности в интерпретации имеющегося в их распоряжении материала. Очень часто рождались прямо противоположные гипотезы и предположения. Обозначим основной круг проблем, затрагиваемых современными англо-американскими исследователями при изучении развития потестарных структур в ранний англосаксонский период.

Прежде всего, это касается вопроса о генезисе королевской власти. В связи с ограниченностью источниковой базы и от-

Для английской медиевистики второй половины XIX и начала XX столетий было характерно убеждение, что основы обще-

ственно-политического устройства англосаксов были заложены еще на их континентальной прародине. Это устройство было исключительно демократическим, поскольку решающей силой в управлении обществом был широкий слой свободных рядовых общинников, выражающих свою волю через народное собрание и выборы правителей. Поэтому первоначально королевская власть носила «народный характер» и только постепенно переросла во власть короля – верховного правителя. Этим точки зрения придерживались Д. Кембл, У. Стаббс и др. [13; 27].

Однако на рубеже XIX и XX столетий в англо-американской медиэвистике в рамках «критического направления» сложился иной подход к исследованию общественно-политического развития германцев. Его основателями считаются Ф. Мэйтланд и Г. Чэдвик, которые полагали, что определяющим фактором развития древних германцев являлись господство знати и верность вождю. Следовательно, германское общество всегда делилось на правящую элиту и подчиненное большинство. А центром этой системы являлась фигура короля [5; 21].

При этом существует и третья позиция, выразителями которой стали Д. Уайтлок, П. Блэйр, Д. Фишер. С их точки зрения, в древнегерманском–англосаксонском обществе не было ни господства знати, ни чистой демократии. В нем взаимодействовали две силы – знать и народ, а отношения королевской власти и знати в процессе формирования государственности носили более сложный характер. Эти исследователи обращали внимание на органы местного управления англосаксов, которые уходили своими корнями в древнегерманские властные институты и включали не только аристократию, но и свободных общинников [4; 7; 33].

Отдельным вопросом, связанным с данной проблематикой, является вопрос о наличии или отсутствии континуитета между соответствующими потестарными англосаксонскими и римскими институтами.

Здесь можно выделить три основные точки зрения. Первая из них (Ф. Сибом, М. Динсли) выводит истоки англосаксонских властных структур из позднеримских учреждений и порядков, утверждая, что королевская власть у англосаксов являлась едва ли не прямым продолжением той системы управления, которая сложилась в Римской Британии [6; 25]. Вторая позиция, нашедшая выражение в работах Д. Кембла, У. Стаббса, Э. Фримена, Ф. Стентона, Г.Р. Лойна, Дж. Уолмеса-Хэйдрилла, склоняется к господству древнегерманских начал в формировании англосаксонских органов власти. Ее представители в большинстве своем выводят возникновение королевской власти у англосаксов из тех потестарных структур, которые существовали в родоплеменном обществе, называя, в первую очередь, институт вождя и связанной с ним дружины [8; 13; 17; 26; 31]. В последнее время в англо-американской медиэвистике наблюдается стремление говорить о синтезе позднеримских и германских институтов в процессе формирования института королевской власти у англосаксов. В последних работах высказывается достаточно аргументированная точка зрения, согласно которой римско-германский синтез в Британии происходил как через контакты будущих англосаксов с римскими учреждениями на континентальной прародине, так и через постримские институты британских кельтов. В этом смысле наибольший интерес представляют исследования Д. Бинчи и П. Уормальда, которые провели сравнительно-исторический анализ института королевской власти у кельтов Британских островов и у англосаксов, выделив много общих черт в особенностях функционирования этого института в обоих обществах [3; 35, p. 151–183].

Огромное значение для понимания политических процессов, происходивших на ранней стадии формирования англосаксонской государственности, имеет вопрос о механизмах генезиса института королевской власти. Характерно, что вплоть до 80-х гг. XX столетия эта проблема практически

не ставилась: королевская власть рассматривалась как институт, сложившийся в ходе англосаксонского вторжения в Британию. Исследователи сетовали на нехватку источников и в целом сходились на том, что подлинные детали англосаксонского вторжения и образования королевств навсегда утрачены [23, р. 86]. Только после разработки новых методик анализа исторических источников, введения в научный оборот большого числа дополнительных материалов исследование этой проблемы стало возможно на более высоком уровне.

В первую очередь, были проанализированы направления формирования института королевской власти на общегерманском уровне. Некоторые исследователи, в частности Дж. Уоллес-Хэйдрим, пришли к выводу, что доминировал так называемый военный путь, когда временные военные вожди некоторых союзов племен в силу различных обстоятельств сохраняли свой пост и в мирное время, тем самым укрепляя идею постоянной королевской власти. Военному пути могли способствовать как военная удача вождя, его богатство, сильная дружина, так и внешняя угроза, и римская политико-экономическая поддержка [31; р. 71–86].

Были проведены исследования и лингвистического характера. При этом основное внимание было уделено терминам «*teuta-nos*» и «*kuning - a -bz*», обозначающим вождя, предводителя племени. Однако если первый термин (от «*teuta*» – «народ») подчеркивал представительство всего народа, избравшего себе короля-вождя за определенные личные заслуги, то второй термин (от общеиндоевроп. «*ken*» (*gen*) – род, племя) отражал представительство знати, когда выбор короля ограничен рамками благородного семейства, которое в силу своей знатности поддерживает претензии на королевскую власть. По мнению некоторых ученых, термин «*kuning-a-z*» в отличие от термина «*teuta-nos*», по-видимому, отражал следующий этап в развитии института королевской власти, когда она уже начала выделяться из родоплеменных управленческих структур [31; 39, с. 193].

Важной заслугой современных англо-американских исследователей можно считать попытку типологизации генезиса королевской власти у древних германцев с выделением трех основных типов. Для первого из них было характерно довольно позднее созревание института королевской власти, что было вызвано сильным влиянием народного собрания и родоплеменной знати в жизни тех или иных племен (восточные германцы). Ко второму типу можно отнести северогерманские племена, у которых правители, наряду с вождескими функциями, исполняли обязанности верховного жреца. Эта ситуация была распространенной в Скандинавии, где не сложилось профессионального жречества. Третий же тип представлен южногерманскими племенами, которые испытали наибольшее влияние со стороны античной цивилизации. У них королевская власть формируется на рубеже нашей эры и в ней доминирует военно-вождеский компонент. Эта власть, основанная на авторитете и реальной силе, со временем узурпировала верховные административные, судебные и законодательные функции. Как правило, процесс политогенеза у англосаксов исследователи относят к первому и третьему типам, причем первый был характерен для англов, а третий для саксов [15, р. 23–34; 31].

Говоря о конкретном механизме вызревания института короны у англосаксов, современные англо-американские медиэвисты подчеркивают преимущественно военный характер этого процесса. Состояние войн и миграций способствовали консолидации отдельных племен и появлению опытных военных руководителей. Первоначальное военное лидерство было временным и основывалось на личном опыте вождей. Но со временем оно приобретало постоянный характер, и именно король-вождь становился символом племенного единства. Общепризнанным считается выдвинутый в свое время Дж. Уоллесом-Хэйдримом тезис о том, что образцом для этого послужили постромские и кельтские традиции организации власти [31; р. 89–96].

Возвращаясь к вопросу об общей роли королевской власти в становлении государства и его административной системы, необходимо заметить, что в послевоенной англо-американской историографии наибольшее распространение получила теория «государства знати», рассматривающая политику королей в качестве главного стимула оформления государства и его административного аппарата, а также возникновения широкого слоя служилой аристократии [1, р. 64 ff.; 12, р. 23–24, 140–142; 17, р. 213 ff.; 18, р. 67–82; 26, р. 688 ff.].

Этот взгляд на королевскую власть отнюдь не нов. Еще в 1907 г. в монографии «Происхождение английской нации» Г. Чэдваик писал, что с самого начала вторжение англосаксов на территорию Британии происходило под предводительством вождей, основу военных отрядов которых составляла королевская дружина. Именно персональные связи между королем и его дружинниками легли в основу формирования англосаксонских королевств и организации в них верховной власти [5, р. 46–55].

Ядро связей между королем и его дружиной составлял, по мнению большинства исследователей, принцип глафордата или система отношений господства-подчинения, согласно которой король считался верховным господином для своей дружины. Со временем, это верховенство распространяется на всех королевских подданных, даже если они непосредственно не являлись клиентами короля [12, р. 141; 17, р. 216–217, 18, р. 74–75; 26, р. 689].

Наиболее последовательное и детальное обоснование бытования глафордата у англосаксов, в том числе и с точки зрения функционирования института королевской власти, в новейшей англо-американской историографии дал в своей монографии «Отношения господства-подчинения и военная обязанность в англосаксонской Англии» американский исследователь Ричард Абельс.

По его мнению, при обращении к материалам источников становится очевидно, что в законодательстве англосаксонского

периода не существовало разницы между покушениями на жизнь короля и глафорда. Короли сами нередко рассматривали себя в качестве глафордов и требовали от каждого свободного англосакса столь же преданного повиновения, как если бы король являлся непосредственным господином каждого конкретного человека. Интересно отметить, что, начиная с правления Эдуарда Старшего, принесение клятвы верности королю со стороны могущественных людей королевства становится обычным делом [1, р. 83].

Р. Абельс полагает, что наибольшее распространение эта практика получает на отвоеванных у скандинавов землях, когда от знатных датских эрлов требовалось присягнуть королю и признать его в качестве своего лорда (*gesohte him to hlaforde*). В частности, подобную клятву верности королю Эдуарду принесли эрлы Торкетел и Турферт после удачных военных кампаний англосаксов против датчан Бедфорда и Нортгемптона [1, р. 89].

Историк пишет: «Завоевания Эдуарда и его преемников Этельстана и Эдмунда приняли форму установления персональных отношений господства-подчинения между королем и датскими землевладельцами.... Нежели просто покориться королю англосаксов, они выбрали его в качестве своего господина и покровителя и скрепили эти отношения клятвой верности, которую потребовал от них завоеватель» [1, р. 89].

Примеры такого рода имели место и ранее. Именно принцип глафордата, а не наследственное право, лег в основу установления господства Альфреда над Мерсией в конце IX столетия [26, р. 259–260; 30, р. 63–69; 37, 134–138]. На тех же основаниях признали власть короля Уэссекса «все англы и саксы», проживавшие вне пределов Области датского права после захвата Альфредом Лондона в 886 г. И это признание, как считают некоторые авторы, может рассматриваться в качестве некой точки отсчета, от которой ведет свое начало чувство этнического единства англосаксов, объединенных под властью одного правителя [26, р. 260].

Свое окончательное юридическое оформление принцип глафордата получил в третьем кодексе законов короля Эдмунда, принятом в 943 г. в местечке Колитон-он-Ди в Девоншире. В этом юридическом сборнике был помещен текст клятвы верности, которую должен был принести каждый свободный англосакс своему королю в том, что он будет верен короне так же, как и своему господину [11].

При этом американский историк подчеркивает, что формула клятвы Эдмунда имела большое значение именно с политической точки зрения, ибо распространялась не только на англосаксов, но и на принявших христианство скандинавов. По его словам, «это должно было усилить процесс объединения различных земель и народов, которыми он (король – А.Г.) правил, и привязать их к себе личными узами, во многом подобно тому, как во времена Карла Великого принятие присяги верности лично королю франков способствовало объединению лоскутной империи Каролингов» [1, р. 87].

Абельс обращает внимание и на то, что, обладая статусом верховного лорда, англосаксонские короли в рассматриваемый период пытались контролировать отношения глафордата не только с непосредственно подвластными им людьми, но и в рамках всего королевства. В этой связи любой знатный англосакс попадал в поле действия королевских законов и на основе их предписаний должен был строить отношения со своими клиентами [1, р. 88].

Вмешательство королевской власти в отношения частного глафордата, по справедливому наблюдению исследователя, свидетельствовало о стремлении государства усилить свой контроль над обществом. Возводя, по сути, частные взаимоотношения в силу закона, корона желала выдать их за некий образец, принцип, по которому должна была строиться вся вертикаль власти в стране [1, р. 88]. Однако, как полагает Абельс, только в конце X – середине XI столетия персональные связи между королем и всеми его подданными начинают приобретать отчетливо политическую окраску,

что, по утверждению историка, сказалось на укреплении самого института королевской власти. В подтверждение этого тезиса он приводит следующий пример. Когда в 1051 г. эрл Годвин поднял мятеж против короля Эдуарда Исповедника, последний оказался в более выгодном положении, нежели его соперник. Воспользовавшись тем обстоятельством, что тэны Годвина, будучи обязаны хранить верность своему глафорду, были в равной степени верны и королю как верховному господину всех англосаксов, Эдуард сумел добиться от них присяги и привлечь мятежников на свою сторону. «И пусть эта победа короля оказалась временной, она все же свидетельствовала о реальной силе института личных связей в системе государственной власти и в политической жизни страны» [1, р. 96].

Типологический подход к изучению раннесредневековой государственности, в том числе государственности англосаксов, в последнее время становится доминирующим в англо-американской медиевистике [23, р. 90]. Основы этого подхода были заложены в 70-х гг. прошлого века Г.Р. Лойном. По его мнению, в раннесредневековой Западной Европе сложилось три типа развития государственности, различия между которыми были обусловлены как раз разницей в положении королевской власти в формирующемся политическом организме. Лойн определил эти три типа как германский, франкский и англосаксонский. Во Франкском королевстве государственная власть в лице короля была наиболее слабой, поскольку в основе развития феодализма здесь лежала система частного землевладения, с присвоением отдельными магнатами обширных политических функций. Германская и англосаксонская системы были ближе друг к другу. Но в Германии власть королей была все же не столь эффективной, поскольку им часто приходилось покидать центр своих владений и отправляться на периферию, что ослабляло их контроль над крупными магнатами. В Англии же, ввиду небольших размеров англосаксонских королевств и создания действенного

административного аппарата, влияние короны как в центре, так и на местах было подавляющим. По мнению исследователя, большую роль в обосновании авторитета короны играла доктрина королевской власти. Ее важным составляющим элементом был идеал самого короля и представления о нем в обществе. Король, в первую очередь, должен был отличаться особыми личностными качествами, обладать непререкаемым авторитетом, быть способным одерживать победы над врагами. И только в этом случае он мог надеяться на признание со стороны своих соплеменников [17, р. 213 ff.].

Вторым важным элементом укрепления королевского авторитета была церемония помазания королей на царство, ставшая неотъемлемой частью светской процедуры восшествия на престол. Эту проблему подробно исследовала английский историк Дж. Нельсон. С ее точки зрения, впервые этот религиозный элемент коронации появился в англосаксонских землях не ранее конца VIII столетия в Мерсии в правление короля Оффы. В 787 г. сын и соправитель Оффы Эгфрит был помазан елеем и фактически посвящен в королевский сан [22, р. 50–71]¹. Произошло это событие на церковном соборе в Челси в присутствии папских легатов. По предположению некоторых историков, этот обряд был заимствован мерсийцами у франков, с которыми Оффа, как известно, поддерживал тесные связи [38, с. 99–100].

Впоследствии ритуал помазания перекочевал в Нортумбрию, а оттуда в начале IX в. в Уэссекс, однако в подробном виде он дошел до нас лишь в описании коронации Эдгара Миролюбивого в Бате в 973 г. [12, р. 28–35; 24, р. 19]². Суть церемонии состояла в принесении королем клятвы, текст которой, видимо, был составлен архиепископом Кентерберийским Дунстаном [32, р. 160–178], и вручении новоявленному монарху соответствующих атрибутов власти. В присутствии высшего англосаксон-

ского клира король торжественно обещал поддерживать мир во всем королевстве, наказывать тех, кто совершил воровство и другие злодеяния, а также быть справедливым и милосердным в решении государственных дел. Затем архиепископ жаловал посвященному королю кольцо, опоясывал его мечом и увенчивал королевскую голову короной, после чего служилась торжественная месса и король возводился на трон.

По мнению англо-американских медиевистов, в глазах церковников венчание на царство выглядело как некий акт вручения земному королю божественной санкции на управление страной, что значительно укрепляло авторитет и незыблемость королевской власти [4, р. 207; 22].

Не только Дж. Нельсон, но и многие другие исследователи отмечают огромное влияние религиозно-церковной идеологии на развитие сформировавшейся у англосаксов доктрины монархии. Более того, отдельные авторы говорят даже о теократическом характере англосаксонского государства накануне Нормандского завоевания [2, р. 1000–1066; 9]. По мнению одного из сторонников этой теории, Ф. Барлоу, введение церемонии помазания способствовало превращению короля в члена монашеского сословия, что отвечало исконным интересам церкви. Она желала видеть в короле своего лорда и защитника, который бы пользовался авторитетом в церковных делах [2, р. 158].

Особое значение в современной англо-американской историографии отводится законотворческой функции представителей церковной организации. Большинство медиевистов полагает, что едва ли не все законы англосаксонских королей составлялись при непосредственном участии церковнослужителей и именно поэтому фигура короля в них предстает в божественном ореоле [16, р. 565–586; 18, р. 94–102]. Однако в последних публикациях появилась и иная точка зрения на этот счет, представители которой утверждают, что на самом деле законы создавали лишь иллюзию сильной монархической власти,

1 Как отмечает П. Блэйр, слово «gehalgian», которым пользуется в данном случае «Англосаксонская хроника» первоначально обозначало посвящение в епископский сан [4, р. 205].

2 По мнению М. Блока, впервые средневековый обряд помазания появился в Вестготском королевстве в VII в. [36, с. 617–618].

были, скорее, идеологическими и политическими документами, созданными с целью демонстрации королевских намерений, нежели фиксацией действительного положения вещей [1, р. 16]. В X столетии некоторые англосаксонские короли начинают использовать так называемые имперские титулы в своей титулатуре, именуя себя не иначе, как «basileus» или «imperator» [29, р. 212, 234]. Некоторые авторы полагают, что за этими титулами скрывался факт признания сюзеренитета английской короны на всей территории Британии, особенно после принесения клятвы верности со стороны правителей Уэльса и Шотландии [10, р. 168]. Согласно другому мнению, появление подобной титулатуры было, скорее, данью традиции и стало результатом влияния более ранних имперских идей, заимствованных англосаксами. Здесь исследователи выделяют три возможных источника: кельтские устные предания о тиранах и узурпаторах IV–V вв.; континентальную имперскую идею, идущую из Византии и империи Каролингов; и собственно германские представления о конунгах, подчинивших своей власти народы, которые не являлись их подданными на правах глафордата [14, р. 124–136]. Однако никто из исследователей не говорит о том, что употребление великолепных титулов могло иметь сколько-нибудь существенное внутриполитическое значение или, тем более, свидетельствовать об абсолютном характере королевской власти. Более того, специальные изыскания Г.Р. Лойна однозначно доказали, что ни о каком соответствии между этими титулами и реальным положением английской короны в X в. не может идти и речи [19, р. 111–115]¹.

В современной англо-американской историографии продолжает активно обсуждаться вопрос о том, имел ли правящий король прерогативу назначения своего преемника. Если обратиться к тексту «Англосаксонской хроники», то там при упоминании восшествия на трон нового короля встречается лишь фраза *feng to rice*, озна-

чавшая, что «такой-то король принял (или взял) королевство». При этом ничего не сообщается о том, как конкретно это произошло. Изредка в источнике используется выражение «был избран королем» (*seosan to cyninge*), хотя похожая фраза (*seosan to hlaforde*) могла использоваться в акте принесения клятвы верности со стороны клиента своему патрону [28, р. 205, 210]. Следовательно, делает вывод П. Блейр, упоминание об избрании претендента на трон не может толковаться буквально [4, р. 198]. Король, видимо, мог назначить своего преемника, как, например, это делает Эдуард Исповедник, на смертном одре завещая королевство Гарольду Годвинсону. Подобным образом поступает и Эдуард Старший, перед смертью вручая бразды правления своему сыну Этельстану [4, р. 385]. В подробном исследовании проблемы, предпринятом Э. Уильямс, исследовательница приходит к справедливому выводу о том, что любое назначение действующим монархом своего преемника могло иметь силу лишь в случае поддержки кандидатуры со стороны могущественных магнатов королевства. Только тот король, которому при воцарении присягнула на верность крупная англосаксонская знать, мог в определенной степени рассчитывать на внутривнутриполитическую стабильность в годы своего правления [34, р. 144–167].

Анализируя общее состояние изучения института королевской власти в раннесредневековой Англии в трудах англо-американских историков второй половины XX в., представляется необходимым подчеркнуть, что эти проблемы по-прежнему занимают центральное место в исследовании институциональной истории англосаксонского социума. Несмотря на отдельные разногласия по частным вопросам, медиевисты достаточно единодушны в том, что влияние короны на формирование многих сторон социально-экономической и политической жизни раннесредневековой Англии оказалось решающим. По мнению ученых, короли в англосаксонский период масштабно и в целом эффективно действуют во всех сферах государственной политики,

¹ Подробнее об этих и других точках зрения на т.н. «имперские титулы» позднесаксонских королей.

что было обусловлено не только особенностями генезиса самого института королевской власти у англосаксов, но и постепенным укреплением у них представлений о королевской суверенности и признанием за короной права на верховное руководство своими подданными. В связи с этим, обращает на себя внимание тот факт, что в современной англо-американской медиевистике постепенно становится доминирующим типологический подход к изучению раннесредневековой английской государственности, что позволяет вписать эволюцию королевской власти в Англии в VI–XI вв. в более широкий, общеевропейский контекст. С точки зрения разработанной в последних исследованиях типологии, королевская власть у англосаксов сочетала в себе франкские и общегерманские черты. Вместе с тем, большинство авторов отмечают, что в основе социально-политического влияния и авторитета королевской власти продолжал лежать имеющий еще родоплеменные корни принцип глафурда-

та, дававший королю право рассматривать всех англосаксов, независимо от их социального статуса, как своих клиентов. По мнению большинства медиевистов, именно с помощью установления персональных отношений господства-подчинения королям удалось подчинить своей власти датских и норвежских поселенцев на территории Англии, а также форсировать процесс этнической ассоциации англосаксов и скандинавов. Как показано во многих работах, приблизительно к X столетию личные связи между королем и всеми его подданными начинают приобретать политический характер, становятся образцом для построения вертикали власти в формирующемся едином королевстве. В это же время институт глафурдата, как основа королевской власти, находит дополнительную поддержку в распространяемой и освящаемой церковью политической доктрине, что, по справедливому заключению большинства историков, содействует еще большему росту королевского престижа.

Литература

1. Abels R.P. *Lordship and Military Obligation in Anglo-Saxon England*. Berkeley. – Los Angeles, 1988.
2. Barlow F. *The English Church, 1000 – 1066. A Constitutional History*. – L., 1963.
3. Binchy D.A. *Celtic and Anglo-Saxon Kingship*. – Oxford, 1979.
4. Blair P.H. *An Introduction to Anglo-Saxon England*. – Cambridge, 1956.
5. Chadwick H.M. *The Origin of English Nation*. – Cambridge, 1907.
6. Deanesley M. *The pre-Conquest Church in England*. 2-nd ed. – L., 1963.
7. Fisher D.J.V. *The Anglo-Saxon Age. C. 400 – 1042*. – L., N.Y., 1993.
8. Freeman E. *The Growth of English Constitution from the Earliest Times*. – L., 1872.
9. Godfrey J. *The Church in Anglo-Saxon England*. – Cambridge, 1962.
10. Higham N.J. *The Death of Anglo-Saxon England*. – Stroud, 1997.
11. *III Eadgar // Die Gesetze der Angelsachsen*. – Halle, 1903.
12. John E. *Orbis Britanniae*. – Leicester, 1966.
13. Kemble J.M. *The Saxons in England. A History of the English Commonwealth Till the Period of the Norman Conquest*. – L., 1848 – 1849. Vol. 1 – 2.
14. Kirby D.P. *The Earliest English Kings*. – L., 1991.
15. Kirby D.P. *The Making of Early England*. – L., 1967.
16. Lawson M.K. *Archbishop Wulfstan and the Homiletic Element in the Laws of Aethelred II and Cnut // English Historical Review*. – 1992. – Vol. 107. – № 424.
17. Loyn H.R. *Anglo-Saxon England and the Norman Conquest*. – L., 1970.
18. Loyn H.R. *Church and State in England in the Tenth and Early Eleventh Centuries // Tenth-Century studies*. – L., 1975.
19. Loyn H.R. *The Imperial Style of the Tenth century Anglo-Saxon Kings // History*. – 1955. – Vol. 40. – № 138–139.
20. Lyon B.A. *Constitutional and Legal History of Medieval England*. – N.Y., 1960.
21. Maitland F.W. *The Constitutional History of England*. – Cambridge, 1926.
22. Nelson J. *Inauguration Rituals // Early Medieval Kingship*. – Leeds, 1977.
23. Rosenthal J.T. *A Historiographical Survey: Anglo-Saxon Kings and Kingship Since World War II // Journal of British Studies*. – 1985. – Vol. 24. – № 1.

24. Schramm P.E. *A History of English Coronation*. Oxford, 1937.
25. Seebohm F. *The English Village Community*. – L., 1883.
26. Stenton F.M. *Anglo-Saxon England*. – Oxford, 1943.
27. Stubbs W. *The Constitutional History of England in its Origin and Development*. In 3 vols. – Oxford, 1903 – 1906. Vol.1.
28. *The Anglo Saxon Chronicle*, a. 955, 957, 978 // *English Historical Documents*. – L., 1955. – Vol. 1.
29. *The Laws of the Earliest English Kings*. – Cambridge, 1922. P. 212, 234.
30. Wainwright F.T. *Aethelfled, Lady of the Mercians // The Anglo-Saxons*. – L., 1959.
31. Wallace-Hadrill J.M. *Early Germanic Kingship in England and on the Continent*. – Oxford, 1971.
32. Ward P.L. *The Coronation Ceremony in Medieval England // Speculum*. – 1939. – Vol. XIV. – № 2.
33. Whitelock D. *The Beginnings of English Society*. – Harmondsworth, 1952.
34. Williams A. *Problems Connected with the English Royal Succession, 860–1066 // Proceedings of the Battle Conference*. – 1979. – Vol. 1.
35. Wormald P. *Celtic and Anglo-Saxon Kingship: Some Further Thoughts // Sources of Anglo-Saxon Culture*. – Michigan, 1986.
36. Блок М. *Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии*. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
37. Глебов А. Г. *Альфред Великий и Англия его времени*. – Воронеж: Воронежский госуниверситет, 2003.
38. Глебов А.Г. *Англия и континентальная Европа в V–VIII вв.: экономические контакты // Вестник ВГУ. Серия 1. Гуманитарные науки*. 1997. № 1.
39. Шервуд Е. А. *От англосаксов к англичанам: к проблеме формирования английского народа*. – М.: Наука, 1988.

УДК 94(47).084.3:347.961

А.В. Долгов

РАЗРУШЕНИЕ СТРУКТУРЫ РОССИЙСКОГО НОТАРИАТА И ОСОБЕННОСТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НОТАРИАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ НА СТАВРОПОЛЬЕ В 1920-Е ГОДЫ

В статье автор обращается к проблеме нотариальной службы в контексте советской политико-правовой системы в 1920-е годы. Обращение к конкретным социальным практикам ставропольского населения по-

зволило установить, что нотариат на Ставрополье работал непрерывно.

Ключевые слова: нотариальная служба, система советского управления, новая экономическая политика, социальная практика.

A. V. Dolgov

THE DESTRUCTION OF RUSSIAN NOTARIAL STRUCTURE AND SPECIFIC FEATURES OF RECONSTRUCTION OF NOTARIAL SERVICES IN STAVROPOL PROVINCE IN THE 1920-S

In the article, the problem of notarial service in the context of Soviet political and legal system in the 1920-s is analyzed. Having studied some social practices of Stavropol province population the author concluded that the

notary offices in the region functioned uninterruptedly in spite of the Russian revolution.

Key words: notarial service, the system of Soviet administration, New Economic Policy, social practice.

Теоретическое и практическое экспериментирование советской власти в 1920-е гг. в поиске путей построения коммунисти-

ческого общества, с одной стороны, повлияли и на судьбу судебных и правоохранительных органов, включая нотариат,